

мертвых,¹³ и с памятником, как бы подведшим итог всей этой средневековой литературе — с «Адом» Данте. Речь идет, конечно, не о какой-либо генетической связи или литературном средстве скромного эпизода рассказа из Александрии с «Божественной комедией» — сходными в данном случае являются лишь некоторые темы и сюжетные мотивы, характерные именно для эпохи Предвозрождения. И безвестный автор Александрии и Данте соединили христианское мировоззрение с глубоким почитанием античной культуры: христианизированный Александр в романе завидует троянским героям из-за того, что они воспеты Гомером;¹⁴ Данте гордится быть причисленным к сонму поэтов древности, возглавляемому Гомером, хотя и помещает этих поэтов в первом круге ада. Отсюда и сходные мотивы при изображении царства мертвых: введение античных персонажей в мир христианской легенды; восприятие загробных мук не только как справедливого возмездия за грехи, но и как трагедии, вызывающей сострадание читателя. В Александрии этот мотив был связан с основной темой романа: темой трагической обреченности ее храброго и великодушного, но лишенного христианской благодати героя.

Тема героев-возлюбленных, умерших и похороненных вместе, также знакома мировой литературе со времен античности. В «Дневнике» Диктиса вслед за своим любимым, хотя и неверным супругом Парисом погибает его первая жена Энона; их хоронят вместе;¹⁵ вместе умирают и превращаются в деревья верные супруги Филемон и Бавкида в «Метаморфозах» Овидия.¹⁶ Важную роль играл этот мотив в кельтском фольклоре — он отразился, например, в нескольких ирландских сагах.¹⁷ Но наиболее популярным мотив одновременной смерти и совместного погребения стал благодаря прославленному памятнику средневековой литературы, восходившему к этому же кельтскому сказанию, — французскому роману о Тристане и Исольде.¹⁸ Византийские писатели не разрабатывали такой темы (хотя и могли ее знать по «Дневнику» Диктиса) — поздневизантийские романы о любви кончались обычно не трагической гибелью любовников, а их счастливым браком. Еще менее была знакома эта тема южнославянским и восточнославянским литературам: хотя повесть «о славном рыцэры Трысчане», судя по белорусскому переводу XVI в., фигурировала среди «книг сэрбских» (в южнославянских списках она не обнаружена), но гибели обоих любовников этот вариант, в отличие от своего западного источника, не знал: он кончался тем, что «Ижота», с разрешения короля Марка, приезжала лечить раненого

¹³ Ср.: А. Н. Веселовский. Данте и символическая поэзия католичества — Вестник Европы, 1866, т. IV (декабрь), стр. 169—190.

¹⁴ Прпозетка о Александру Великом у старој српској књижевности, стр. 40—41.

¹⁵ См.: Dictys Cretensis Ephemeridos Belli Troiani libri, IV, 21.

¹⁶ См.: Ovidii Nasoni Metamorphoseon, VIII, 709—720 (Овидий. Метаморфозы. Перевод С. Шервинского, М., 1938, стр. 97).

¹⁷ См.: Stith Thompson. Motif Index of Folk Literature, vol. I—VI. Copenhagen, 1955—1958, мотивы T 86 и P 214. 1; Ирландские саги. Перевод и комментарии А. А. Смирнова, Л., 1929, стр. 75—80 и 278—280. Ср.: А. А. Смирнов. Роман о Тристане и Исольде по кельтским источникам. — Сб. «Тристан и Исольда» (Труды Института языка и мышления, II), Л., 1939, стр. 20—21, 26—27 и 29.

¹⁸ См.: А. А. Смирнов. Роман о Тристане и Исольде по кельтским источникам, стр. 17—36. Вопрос о кельтских основах «Тристана и Исольды» (вызывавший длительные споры в литературоведении) наиболее разработан в исследованиях: G. Schoerperle. Tristan and Isolt, t. I—II. Frankfurt a. Mein—London, 1913; R. Thurneysen. Eine irische Parallele zu Tristan-Sage. — Ztschr. f. rominische Philologie, X/III, H. 4, 1923.